

Отзыв

официального оппонента Посадского Антона Викторовича о диссертации Рахманова Павла Сергеевича «Судьбы "бывших" в 1917–1923 гг. (на материалах городов Тамбовской губернии)», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история

История Гражданской войны и периода НЭПа имеет обширную историографию. За последние три десятилетия изучение темы вышло на новый уровень. Соответственно, стали появляться новые исследовательские горизонты. Одно из перспективных направлений исследования - изучение судеб проигравших. В числе тех, кто попал под «красное колесо» революции, оказались так называемые «бывшие». Изучение этой категории на региональном уровне только начинается. Поэтому тема диссертационного исследования П.С. Рахманова является, безусловно, научно актуальной и открывает новые возможности для дальнейшего изучения данного сюжета.

Диссертация состоит из введения, двух глав, объединяющих семь параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, а также включает приложения. В первой главе оценивается социальный и правовой статус «бывших», во второй идет речь об их повседневной жизни. Предложенная структура работы выглядит вполне логичной и обоснованной.

Немалой сложностью для автора являлось само определение понятия «бывших», так как оно не носило юридического характера. Данному вопросу посвящен первый параграф диссертации. Соискатель справедливо отмечает известную расплывчатость этой категории, которая частично перекрывалась с правовой категорией «лишенцы». Концепт «бывших» приходится вычленять из целого ряда новых ходовых обозначений - «лишенцы», «чуждые», «нетрудовые» или «буржуазные» элементы, «ненадежные», «обыватели» и прочих подобных. Источники по теме разнообразны, канцелярский язык новой власти в первые пореволюционные годы еще далеко не устоялся, поэтому «бывшие» не всегда заметны под иными

обозначениями. П.С. Рахманов эту проблему понимает и в основном успешно с ней справляется.

Историография проблемы проработана диссертантом весьма полно. Отдельно отметим значительный массив диссертаций и авторефератов, привлеченных для реализации исследовательской задачи.

Соискатель привлекает для своего исследования весьма обширный и разнообразный источниковый материал. Очень подробно проработаны оба региональных архива, местная пресса и обширный корпус воспоминаний. Привлечены и материалы центрального архива - ГАРФа. При этом, если фонд Р-393 - НКВД РСФСР - достаточно активно используется исследователями, то фонды А-353 (Министерство юстиции РСФСР) и Р-4041 (Главное управление коммунального хозяйства НКВД РСФСР) гораздо реже попадают в поле внимания историков. Этим обстоятельством, а также предложением своего понимания концепта «бывших» людей, определяется научная новизна работы П.С. Рахманова.

Хорошо проработанная историография проблемы и значительный массив разнохарактерных источников в достаточной степени обеспечивают достоверность выводов по итогам проведенного диссертантом исследования.

Логика построения глав диссертации также вполне оправдана. Диссертант уделяет много внимания (параграф 1.1.) очерчиванию круга людей изучаемой категории, как в масштабах страны в целом, так и в городах Тамбовской губернии. Представляется весьма важным, что автор использует собственную базу данных (информация представлена в приложениях) на «бывших», что позволяет адекватно рассматривать изучаемых персон и оперировать значительным объемом сведений, приведенных к общему знаменателю. Текст насыщен богатым фактическим материалом. Сильной стороной исследования П.С. Рахманова нам представляется постоянное сопоставление революционных правовых и служебных новаций с повседневной реальностью провинциального бытия.

«Зазор» между первыми и вторым оказывался весьма большим и интересным в качестве объекта исследования. Сплошь и рядом прокламируемые новой властью ценности и социальные приоритеты либо вовсе не могли быть воплощены, либо нуждались в корректировках и смягчениях. В то же время, новая «классовая» парадигма понимания социального в целом провоцировала агрессивные практики третирования «бывших» или тех, кто таким образом маркировался. Соискатель дает подробную картину местной жизни и показывает, как в обрисованном пространстве строилась пореволюционная жизнь прежних «нетрудовых элементов». В частности, диссертант обращает внимание на новые факторы, возникавшие в разрушающейся жизни: перемещения «буржуазных элементов» в более сытые или спокойные города в условиях «военного коммунизма», судьбы «бесхозного», то есть оставленного владельцами, движимого и недвижимого имущества, совершенную произвольность всякого рода контрибуций.

Соискатель использует материалы, характеризующие положение как в губернском Тамбове, так и уездных городах, в том числе не очень захваченных событиями Гражданской войны, как Темников или Елатьма. Данное обстоятельство позволяет нарисовать весьма полную картину бытия «бывших» в масштабах губернии и при этом увидеть местные особенности.

Кричащие парадоксы «военного коммунизма» отмечал в свое время С. Павлюченков. Жизнь неизбежно вносила коррективы в нежизнеспособную схему общества-коммуны. П.С. Рахманов на многих примерах показывает, как открывались те или иные возможности и для «бывших»: советская служба как способ получить иммунитет от реквизиций, «демуниципализация» частных домов как способ защитить или даже вернуть семейную собственность. Примеры из разных городов губернии демонстрируют устойчивость выявляемых автором тенденций. Служебные и житейские коллизии «бывших» при взаимодействии с советской юстицией, государством в целом, «классовым» сознанием местных работников

рассмотрены диссертантом разнообразно и подробно. Интересно, что даже нахождение на советской службе и более или менее усердное исполнение своих обязанностей не служило надежной защитой: легко можно было оказаться жертвой доноса, попасть в заложники и т.п. При этом образованность помогала искать справедливость в верхних эшелонах новой власти, включая обращения к Ленину, наркому Д.И. Курскому и т. д.

Столь же интересны сюжеты сохранения в руках прежних владельцев предприятий разного рода. Национализация в провинции не смогла стать тотальной. Кроме того, одним из способов остаться при своем деле для прежних владельцев было поступление на свое же предприятие уже под советским флагом. Такие парадоксальные картины жизни создавали для «бывших» как многочисленные угрозы, так и возможности для маневра и выживания.

Заслуживают внимания приложения к диссертации. Они зрелищны, и позволяют увидеть социальный состав «бывших»: это в основном земле- и домовладельцы, средние предприниматели. Мероприятия советской власти лишали этих людей основы существования, заставляя, в частности, идти на советскую службу. На ней же они часто воспринимались как чужаки.

Значительный массив источников позволил соискателю нарисовать убедительную картину бытия «бывших» в первые пореволюционные годы. Выводы автора логичны и выглядят вполне убедительно. Они позволяют ставить следующие вопросы: например, о соотношении общего и особенного в положении и жизненных стратегиях «бывших»: в разных губерниях, в столицах и провинциях, в крупных индустриальных центрах и аграрных уездных городах. Интересно было бы проследить, в этой связи, судьбы тамбовских «бывших», которые оказывались вне советской юрисдикции. Скажем, жителей Борисоглебска, которым выпадало оказаться под властью белых, беженцев из городов губернии. Проявлялись ли в этой среде мотивы социального реванша, личной мести или, напротив, сломленности и апатии?

Исследование П.С. Рахманова порождает и такой вопрос: насколько справедливо рассматривать категорию «бывших», начиная с весны 1917 г.? После падения царской власти под ударом новой юстиции и общественного мнения оказались министры, «распутинцы», из категорий же провинциального населения – губернаторы и административная верхушка, бывшие полицейские и жандармы. Этим последним третировали вплоть до бессудных расправ, отправляли на фронт. Однако иные категории, которым предстояло превратиться в «бывших», пока оставались в привычном социальном статусе. Яростная плебейская революционность войдет в полную силу после октябрьского переворота, будучи подкрепленной массивной национализацией, муниципализацией жилищного фонда и прочими подобными мероприятиями. Диссертант показывает неединичные факты агрессии в отношении офицеров уже в марте 1917 г. Однако маркировка «офицер» имела весьма разное содержание применительно к довоенному времени и 1917 году. Большинство из них уже было выходцами из самых демократических слоев. То есть революционный миф об «офицере» соответствовал образу «бывшего», в то время как реальный образ офицерства был уже другим. Данные соображения даются не как замечания, а в качестве повода для размышления о направлении возможных дальнейших исследований.

В качестве замечания укажем следующее: предмет исследования сформулирован слишком сложно и включает в себя довольно разнородные позиции: и особенности стратификации общества, и деятельность органов власти, и положение собственно «бывших». Наше замечание носит частный, формулировочный, характер.

По теме диссертационного исследования соискатель опубликовал 11 печатных работ, в том числе 4 в изданиях из перечня, рекомендованного ВАК Министерства науки и высшего образования РФ. Публикации и автореферат соответствуют теме диссертации и отражают ее основные идеи

